

"Replacement migration" in the Russian Federation: specifics of manifestation and potential threats of scenario implementation

M. A. Burda^{1,2}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

²Tsargrad Institute, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2026-3-278-293

Research article
Full text in Russian

The efforts undertaken by the Russian Federation to integrate into the global migration architecture have conditioned the subsequent reception of a number of Western normative practices within national migration legislation. These practices are oriented toward expanding the rights of foreign-language and foreign-culture migrants and their communities, primarily those originating from the states of Central Asia and the Transcaucasus. Within the framework of this approach, the external migration flows directed toward Russia-exhibiting an exponential increase in quantitative indicators-have been interpreted exclusively in a positive connotation, namely as an essential economic and demographic resource and a natural consequence of objective globalization processes.

The aim of this study is to identify a set of risks to the maintenance of socio-political stability in the context of the implementation of "replacement migration" scenarios.

The objectives of the research include identifying the specific characteristics of the "replacement migration" phenomenon as applied to migration processes within the territory of the Russian Federation, as well as conducting a comparative analysis of the programs implemented by the International Organization for Migration and the corresponding modifications of Russian migration legislation.

The methodological framework of the study comprises comparative and politico-legal analysis, which have enabled the juxtaposition of replacement migration scenarios and the examination of selected international normative legal acts in the field of migration regulation, alongside the functional repertoire of relevant international organizations.

The findings obtained provide a foundation for a detailed analysis of the "replacement migration" scenarios outlined in the United Nations report, viewed through the lens of the transformation of the state migration management system in the Russian Federation and the degree of involvement of the International Organization for Migration in this process.

The conclusions of the study systematize the potential migration risks associated with "replacement migration" policy across such domains as domestic and foreign policy, economy, and demography. Furthermore, they establish a basis for the formulation of specific response measures and counteraction strategies against negative trends.

Keywords: migration; migration policy; replacement migration; International Organization for Migration; migration processes; Russian Federation; risks

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Burda, Mikhail A. | E-mail: burda-ma@ranepa.ru
D. Sc. (Politics)

For citation: Burda M. A. "Replacement migration" in the Russian Federation: specifics of manifestation and potential threats of scenario implementation // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2026. Vol. 12, No. 3. P. 278-293. (in Russ.)

«Замещающая миграция» в Российской Федерации: специфика проявления и потенциальные угрозы реализации сценариев

М. А. Бурда^{1,2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

²Институт Царьград, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2026-3-278-293
УДК 325

Научная статья
Полный текст на русском языке

Предпринимаемые Российской Федерацией на рубеже XX–XXI вв. усилия по интеграции в глобальную миграционную архитектуру обусловили последующую рецепцию в национальном миграционном законодательстве ряда западных нормативных практик, ориентированных на расширение прав иноязычных и инокультурных мигрантов и их сообществ, в первую очередь представленных выходцами из государств Средней Азии и Закавказья.

Целью настоящего исследования выступает определение комплекса рисков для поддержания общественно-политической стабильности в контексте реализации сценариев «замещающей миграции».

В задачи исследования входит: выявление специфических характеристик феномена «замещающей миграции» применительно к миграционным процессам на территории Российской Федерации, а также компаративный анализ реализуемых Международной организацией по миграции программ и соответствующих модификаций российского миграционного законодательства.

Методологическую базу исследования составляют компаративный и политико-правовой анализ, позволившие осуществить сопоставление сценариев замещающей миграции в контексте документов стратегического планирования и управления миграцией в Российской Федерации.

Полученные результаты обеспечивают возможность детализированного анализа сценариев «замещающей миграции», изложенных в докладе Организации Объединенных Наций, в проекции на трансформацию системы государственного управления миграционными процессами в Российской Федерации и степень вовлеченности в данный процесс Международной организации по миграции.

Выводы исследования систематизируют потенциальные миграционные риски, сопряженные с политикой «замещающей миграции», в разрезе таких сфер, как внутренняя и внешняя политика, экономика и демография, а также формируют основу для разработки конкретных мер реагирования и противодействия негативным тенденциям.

Ключевые слова: миграция; миграционная политика; замещающая миграция; Международная организация по миграции; миграционные процессы; Российская Федерация; риски

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бурда, Михаил
Александрович

E-mail: burda-ma@ganepa.ru

Доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, руководитель направления «Миграция» Центра им. П.А. Столыпина Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ, руководитель Центра миграционных исследований АНО «Институт Царьград»

Для цитирования: Бурда М. А. «Замещающая миграция» в Российской Федерации: специфика проявления и потенциальные угрозы реализации сценариев // Социальные и гуманитарные знания. 2026. Том 12, № 3. С. 278–293.

Введение

В современном мире миграционные процессы приобрели беспрецедентный размах и сложность, став неотъемлемым атрибутом глобализации. Однако наряду с экономическими выгодами и культурным обменом интенсивные миграционные потоки несут в себе спектр рисков, способных дестабилизировать социально-политическую обстановку в принимающих странах. Вопрос о том, при каких обстоятельствах миграция из фактора развития превращается в угрозу национальной безопасности, является предметом острой научной дискуссии. Теоретическое осмысление этой проблемы прошло путь от упрощенных моделей «выталкивания-притяжения» до сложных междисциплинарных концепций, рассматривающих миграцию через призму политической стабильности и суверенитета.

По мнению Д. Массэ, международная миграция характеризуется пятью основными характеристиками. В странах происхождения существуют структурные факторы, которые создают условия для появления мобильного населения, готового к миграции. Принимающие страны имеют структурные предпосылки для создания стабильного спроса на рабочую силу, которую предоставляют иммигранты. Люди принимают решения о миграции в ответ на эти структурные факторы, пересекая границы в поисках лучших возможностей. Процесс глобализации приводит к появлению социальных структур и институтов, которые поддерживают миграционные потоки и обеспечивают их устойчивость во времени и пространстве. В ответ на эти процессы правительства разрабатывают и реализуют политику, которая регулирует масштабы и характер миграции, а также определяет, кто может въезжать в страну и выезжать из нее [1].

Американский социолог и экономист С. Сассен рассматривала миграцию в контексте процессов глобализации. Экономические и политические вмешательства (например, инвестиции, неолиберальные реформы, военное присутствие) со стороны развитых стран в развивающихся регионах часто ведут к разрушению местной экономики, что и становится фактором, «выталкивающим» мигрантов. В своей работе «The Mobility of Labor and Capital» она говорит: «Люди мигрируют не просто потому, что хотят, а потому что глобальные силы подталкивают их к этому» [2].

В этой связи одним из наиболее актуальных вопросов современной миграционной повестки является феномен так называемой «замещающей миграции», основанный на «теории великого замещения» (Le Grand Remplacement), разработанной в 2011 г. французским общественным деятелем и писателем Р. Камю, понимавшим под данным термином последовательность принимаемых в рамках постколониальной миграционной политики Франции мер, приведших к необратимому процессу смены одного народа другим (или несколькими) через процессы декультурации, колонизации Глобальным Югом Глобального Севера, демографических изменений, влекущих трансформацию этнокультурного состава населения, что в конечном итоге приведет к гибели европейской цивилизации.

Описанная миграционно-демографическая тенденция «этнокультурного замещения» еще в начале XXI в. была проанализирована П. Бьюкененом в работах «Смерть запада» [3] и «На краю гибели» [4], где на примере США рассматривается изменение состава населения, при котором доля «белых американцев» с 60-х гг. XX в. сократилась с 85 % до 64 % к началу XXI в. и, по мнению П. Бьюкенена, является

следствием принятия новых миграционных законов, снявших ряд ранее действующих ограничений в отношении массовой миграции из Латинской Америки и Азии.

П. Бьюкенен рассматривал риски латиноамериканской миграции в контексте теории политического реализма, где миграция населения, миграционные процессы, миграционная политика государства анализируются в рамках решения задачи по обеспечению национальной безопасности, сохранению уникальной американской культурной идентичности и территориальной целостности США. Это обусловлено тем, что в конце XX – начале XXI вв. среди мексиканского этноса, в том числе и на территории США, стали весьма популярны идеи «мексиканской реконкисты», которая получила название «Духовного плана Ацтлана» и основывается на идеях возврата «исконных» мексиканских территорий, утраченных в ходе американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. [5, с. 45].

Миграция и глобализация управления миграцией на современном этапе

Термином «замещающая миграция» обозначен один из программных документов Организации Объединенных Наций начала XXI в. – доклад «Replacement Migration» [6], разработчиком которого выступил Отдел народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата Организации Объединенных Наций. Отдел является членом Глобальной группы по вопросам миграции и обеспечивает программную поддержку Специального представителя Генерального секретаря ООН по вопросам международной миграции и развития.

Следует отметить, что в рамках глобальной миграционной повестки термин «Replacement Migration» имеет двойственное толкование. Действительно, демографические тенденции в странах Западной Европы демонстрируют общее старение населения, снижение рождаемости, что оказывает влияние не только на половозрастную структуру государств, но и на снижение доли трудоспособного населения, необходимой для поддержания устойчивого экономического роста и функционирования систем социального обеспечения [7, с. 73]. Помимо «замещающей миграции», акцентирующей внимание на фактическом замещении мигрантами недостающего местного населения на рынке труда и в демографической структуре принимающего государства, присутствует и более нейтральная формулировка – «восполняющая/компенсирующая миграция», обозначающая миграцию, которая компенсирует недостаток населения, например, из-за низкой рождаемости и старения, т. е. делает акцент на восполнении демографических потерь.

Врезюмедоклада, который по своей форме больше напоминает прогностическое исследование на период 2000–2050 гг., говорится о том, что замещающая миграция относится к международной миграции, которая потребовалась бы для компенсации сокращения численности населения, сокращения численности населения трудоспособного возраста, а также для противодействия общему старению населения. В предметной области исследования рассчитываются масштабы замещающей миграции и исследуются возможные последствия замещающей миграции для численности и возрастной структуры населения ряда стран, для которых характерен общий уровень рождаемости ниже уровня воспроизводства.

Главным партнером ООН в продвижении различных инициатив в миграционной сфере на уровне суверенных государств является Международная организация по миграции (IOM, International Organization for Migration, IOM). США

являются государством, оказывающим МОМ наибольшую финансовую помощь (1,5 млрд долл. США, что почти в три раза больше, чем поддержка Европейского Союза – 438 млн долл. США) [8].

Стратегической целью МОМ является реализация одного из программных документов ООН – Повестки устойчивого развития до 2030 г. [9], направленной на формирование нового пути мирового развития, связанного с укреплением всеобщего мира в условиях наибольшей свободы, и решающей глобальные проблемы бедности, неравенства, дискриминации, изоляции, уязвимости, инклюзивности, доступности социальных благ, природных, энергетических и экономических ресурсов [10].

Глобальная группа по вопросам миграции (Global Migration Group, GMG), выполняет главным образом связующую и координирующую роль, а также участвует в обновлении действующего международного миграционного законодательства и разработке практических рекомендаций по совершенствованию глобальных инициатив в миграционной сфере. Руководство GMG осуществляется сроком на 6 месяцев одной из международных организаций в рамках ООН посменно (например, при осуществлении руководства GMG со стороны ЮНЕСКО делался акцент на корректировке международных образовательных программ обмена, ЮНИСЕФ акцентировала внимание на влиянии климатических изменений на миграционные потоки). GMG была создана в 2006 г. на основе межведомственной группы с ограниченным числом участников – Женевской миграционной группы, основанной в апреле 2003 г. и включавшей МОТ, МОМ, УВКПЧ, ЮНКТАД, УВКБ и УНП ООН, тогда ее деятельность была сосредоточена на повышении осведомленности граждан современных государств о правах мигрантов и проработке дополнительных мероприятий по поддержке мигрантов с неурегулированным правовым статусом. GMG также осуществляет координацию деятельности с Глобальным форумом по вопросам миграции и развития (GFMD).

Все это позволяет говорить об актуализации проблематики обеспечения прав мигрантов на уровне крупнейших международных правозащитных организаций [11, с. 25].

Связь между ООН и Глобальным форумом по вопросам миграции и развития обеспечивает Специальный представитель Генерального секретаря ООН по вопросам международной миграции и развития, который участвует в подготовительных и ежегодных заседаниях форума и предоставляет консультации по миграционной проблематике.

На сегодняшний день ключевыми направлениями деятельности Специального представителя Генерального секретаря ООН по вопросам международной миграции и развития являются содействие реализации Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах и обеспечение координации усилий государств-членов и субъектов негосударственного сектора в рамках Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

В рамках реализации программы устойчивого развития миграции до 2030 г. МОМ оказывает поддержку правительствам в интеграции миграции в планирование местной и национальной политики, в том числе в рамках внесения изменений или разработки новых национальных, региональных и местных законов, стратегий и планов, которые учитывают эти взаимосвязи, а также потребности и проблемы,

с которыми сталкиваются мигранты. Это гарантирует, что политика в самых разных областях, от здравоохранения до образования и от городского планирования до жилищного строительства, учитывает интересы мигрантов и соответствует приоритетам в области управления миграцией.

Основным инструментом продвижения повестки МОМ в настоящее время является Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции от 19 декабря 2018 г. (документ с оговорками поддержан Российской Федерацией)¹.

Одной из концептуальных особенностей договора является то, что в качестве своего инструментария договор опирается на Нью-Йоркскую декларацию о беженцах и мигрантах от 19 сентября 2016 г., согласно которой как легальные, так и нелегальные иммигранты должны обладать многими из тех же прав, что и граждане страны, при этом не предусматривается категорическое задержание и выдворение нелегальных иммигрантов, которым государство должно предоставить легальный статус. Пункт 16 договора, содержащий ссылку на указанную декларацию, прямо говорит о «взятом комплексе обязательств». Данный пункт формулирует 23 цели, которые последовательно и подробно раскрываются в тексте документа и направлены на упрощение доступа к каналам легальной миграции; создание для мигрантов и их обществ благоприятных условий, обеспечивающих полную социальную интеграцию и охват мигрантов базовыми услугами; создание механизмов перевода материальных прав мигрантов в области социального обеспечения и приобретенных льгот; создание для мигрантов и диаспор условий, позволяющих им в полной мере способствовать достижению устойчивого развития во всех странах; применение практики помещения мигрантов в центры временного содержания исключительно в качестве крайней меры и поиск альтернатив; предоставление гражданства детям мигрантов, родившимся на территории другого государства; развитие действующих на местном уровне процедур, способствующих участию мигрантов в общественной жизни; упрощение процедур воссоединения семей для мигрантов с любым уровнем квалификации и др.

Содержательная часть указанных международных документов связана с внесением изменений или разработкой новых национальных, региональных и местных законов, стратегий и планов в области миграционной, национальной, социальной и демографической политики, направленных на максимизацию учета интересов мигрантов и членов их семей, а также на предоставление и обеспечение их социальными гарантиями и выплатами как минимум на уровне местного населения. Одновременно МОМ оказывает поддержку в защите общественно-политических прав мигрантов и расширении их возможностей посредством предоставления услуг, поддержки в целях обеспечения их субъектности в новом обществе через вовлечение, стимулирование и расширение возможностей участия мигрантов и их представителей в общественно-политических процессах.

В этой связи в рамках своей работы МОМ уделяет особое отношение выстраиванию взаимодействия с диаспорами мигрантов в целях обеспечения их политического и экономического роста. В своих документах МОМ рассматривает ди-

¹ Заявление Российской Федерации к Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, Марракеш, 11 декабря 2018 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/iniatsiivy_rossii_v_oop/1580147/ (дата обращения: 05.05.2026).

аспоры мигрантов как локальных партнеров для обеспечения наставничества, стимулирования, финансирования и осуществления действий «на местах», а также оказывает содействие в привлечении квалифицированных специалистов, предоставлении правовой поддержки, развитии предпринимательства, разработке государственной политики, создании необходимых онлайн-платформ, реализации отраслевых программ и др. [12].

В период с 2016 г. по 2024 гг. Международная организация по миграции, используя статус и потенциал своих представительств в различных странах, провела аудит миграционной политики порядка 100 государств выезда мигрантов, в том числе и стран постсоветского пространства, в рамках которого осуществлялся анализ имеющихся подходов и правовых норм ее реализации с последующей разработкой рекомендаций для повышения ее эффективности в том числе по направлению имеющихся трудовых ресурсов за рубеж из бедных государств мировой периферии в государства центра.

Бюро МОМ активно работают в таких государствах, как Узбекистан, Таджикистан и Киргизия, являющихся абсолютными лидерами по направлению своих миграционных потоков в Российскую Федерацию, организуя различные курсы и тренинги как для потенциальных трудовых мигрантов, так и для представителей органов власти, связанные с оформлением документов, защитой прав мигрантов и членов их семей, а также повышением их финансовой и правовой грамотности и др.

Замещающая миграция: сценарии, программы, риски для Российской Федерации

Одним из рассматриваемых в докладе ООН «Replacement Migration» государств является Российская Федерация. В докладе представлено пять сценариев влияния внешней миграции на демографическую ситуацию в современной России. При этом **«базовый» сценарий**, связанный с текущим уровнем внешней миграции (на начало XXI в.), и **сценарий «нулевой миграции»**, подразумевающий полный запрет на внешнюю миграцию с последующей натурализацией мигрантов, представлены в негативном аспекте, который должен привести к сокращению населения до 121 млн чел. к 2050 г. и увеличению пенсионного возраста до 73 лет. Т. е. только внешняя миграция и последующая натурализация мигрантов (вступление в гражданство Российской Федерации) рассматриваются как единственная возможность сохранения демографических показателей. В этой связи становится очевидным, что в своих количественных показателях доклад ООН апеллирует к необходимости массового привлечения инокультурных мигрантов, представляющих титульные национальности современных постсоветских государств Средней Азии и Закавказья, что рассматривается как единственная возможность для России для компенсации демографического спада, при этом потребуется уровень иммиграции, значительно превышающий опыт недавнего прошлого.

Третий сценарий (постоянная численность). Для поддержания численности населения Российской Федерации на уровне 1995 г. потребуется натурализовать не менее 500 тыс. иммигрантов ежегодно. При таком подходе к 2050 г. 23 % населения будут составлять мигранты, прибывшие после 1995 г., и их потомки. Простой арифметический расчет демонстрирует, что к 2050 г. в рамках данного сценария в России будет порядка 25 млн натурализованных мигрантов при сохраняющемся

дефиците доли трудоспособного населения, так как натурализованные мигранты также будут стареть и выходить на пенсию, а значит, пенсионная система будет постоянно требовать притока новых трудовых ресурсов.

Четвертый сценарий (постоянная численность трудоспособных). Данный сценарий связан с сохранением доли трудоспособного населения опять-таки за счет натурализованных мигрантов, которых необходимо натурализовать в объеме не менее 871 тыс. чел. ежегодно в период 2010–2050 гг. Доля мигрантов и их потомков будет более 35 млн чел., или 30 % от общего населения Российской Федерации в 2050 г.

Пятый сценарий (постоянный коэффициент поддержки). Связан с существенным ростом количества населения, увеличением коэффициента рождаемости, который приведет к экспонентному росту численности населения Российской Федерации и численности трудоспособного населения в период с 2000 по 2050 гг., что позволит обеспечить рост потенциального коэффициента поддержки (ПКР) – нагрузка на работающих (которые платят налоги и взносы) для содержания пенсионеров и системы здравоохранения. Такой рост требует колоссальных объемов миграции – в среднем 5,1 млн человек в год, что в 13 раз превышает уровень 1990–1995 гг. (360 тыс. в год). В рамках реализации такого сценария из доклада ООН к 2050 г. 73 % населения Российской Федерации (308 из 422 млн) будут натурализованными мигрантами или их потомками.

Размышляя над демографическими проекциями, изложенными в известном докладе ООН «Replacement Migration», неизбежно приходишь к экзистенциальной дилемме, перед которой аналитическая оптика оказывается столь же важна, сколь и этическая рефлексия. Математическое моделирование для России предстает здесь как своеобразная «машина судьбы», предлагающая не просто статистические выкладки, а фактически контуры новой этнокультурной идентичности. Сухой язык цифр здесь пытается обосновать логику: без масштабного притока человеческого капитала извне сохранить не то что развитие, но даже статичное равновесие социума невозможно. Однако именно в такой интерпретации кроется ключевой вызов такого подхода. Доклад имплицитно легитимирует ориентацию на массированную инкорпорацию инокультурных элементов из постсоветского ареала Средней Азии и Закавказья, не имеющих корневой связи с Россией.

Деятельность Международной организации по миграции в Российской Федерации

Начиная с 2003 г., под эгидой МОМ в России был проведен цикл семинаров, посвященных поиску решения проблемы недостатка рабочей силы в Российской Федерации путем привлечения иностранных рабочих, а также иным вопросам трудовой миграции. В апреле–июне 2005 г. МОМ осуществила информационную кампанию по легализации трудовых иммигрантов в Свердловской области в рамках совместного проекта с БДИПЧ ОБСЕ по информационной поддержке разработки и осуществления Государственной программы легализации трудовых мигрантов в России.

В период с 2007 по 2021 гг. МОМ было реализовано четыре крупных проекта на территории Российской Федерации:

- Проект по трудовой миграции в Центральной Азии (2007–2009);
- Региональная программа в области трудовой миграции в Центральной Азии и России (2010–2013);
- Региональная программа в области миграции (2014–2015);
- Содействие безопасной и квалифицированной миграции в коридоре Центральная Азия–Российская Федерация (2021).

Указанные программы были направлены на внедрение и продвижение в политическую, научную и медийную повестку идеи о восприятии внешней трудовой миграции как одного из главных условий экономического развития России и восполнения потребностей российского рынка труда, а внешней миграции в целом – как главного способа решения имеющихся проблем в области демографии. Рассмотрение внешней миграции как ключевого демографического ресурса характеризует не только указанные программы, но и доклад ООН «Replacement Migration».

В период реализации указанных программ в российском миграционном законодательстве параллельно происходили существенные концептуальные изменения, направленные на упрощение порядка осуществления временной трудовой деятельности иностранных граждан в Российской Федерации.

Так, в 2010 г. был впервые введен институт патентов на осуществление временной трудовой деятельности иностранными гражданами из государств с безвизовым порядком въезда по найму у физических лиц.

В 2014 г. в рамках подписания Договора о Евразийском экономическом союзе были запрещены любые ограничения на защиту национального рынка труда в отношении трудовой деятельности трудящихся государств-членов, и уже в конце 2014 г. к договору присоединилась Республика Армения, а в 2015 г. – Киргизская Республика, направляющая в Россию ежегодно более полумиллиона трудовых мигрантов.

В 2015 г. в отношении привлечения иностранных граждан из государств с безвизовым порядком въезда был отменен механизм квотирования и оформления работодателем разрешения на привлечение иностранной рабочей силы, а вместо разрешения на работу стал также оформляться патент, дающий право на работу не только у физических, но и у юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей.

Главными бенефициарами подобных законодательных изменений стали государства Средней Азии: Узбекистан, Таджикистан и Киргизия, являющиеся крупнейшими поставщиками иностранной рабочей силы на российский рынок труда [13]. Е. С. Красинец при этом отмечает тенденцию снижения уровня профессиональной подготовки и образования приезжающих в Россию иностранных работников из указанных государств [14].

По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы, основной целью въезда иностранных граждан указывалась «трудовая деятельность», в целях легального осуществления которой оформлено 2 млн 272 тыс. патентов (+8,9 % к 2024 г.), в том числе гражданам Республики Узбекистан – 1 млн 478 тыс. (+9,6 % к 2024 г.) и гражданам Республики Таджикистан – 720 тыс. (+6 % к 2024 г.). Всего гражданам указанных государств в 2025 г. было оформлено порядка 2 млн 198 тыс. патентов, что составляет 96,7 % от общего количества иностранных граждан, работающих в России по патенту.

Анализ показателей внешней трудовой миграции за предыдущие 5 лет демонстрирует устойчивый рост выдачи патентов, что обусловлено не только простым количественным ростом иностранных работников, но и предпринимаемыми правоохранительными органами мерами по предотвращению нелегальной трудовой деятельности иностранцами. Так, в 2021 г. в Российской Федерации иностранным гражданам было выдано 1 млн 221 тыс. патентов, в 2022 г. – 2 млн 59 тыс. патентов, в 2023 г. – 2 млн 133 тыс. патентов, в 2024 г. – 2 млн 87 тыс. патентов, в 2025 г. – 2 млн. 272 тыс. патентов, что на 28 % больше, чем в «доковидном» 2019 г. (1 млн 767 тыс. патентов) [15].

В миграционных потоках в Россию выделяется не только внешняя трудовая миграция, но и миграция на постоянное место жительства. Так, в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в период с 2018 по 2021 гг. резко возрастает численность выходцев из Таджикистана: с 11,8 до 24,4 тыс. чел., воспользовавшихся соответствующим механизмом переселения [16].

Это подтверждает ранее проведенные исследования геодемографической динамики русскоязычного населения на постсоветском пространстве, а обращение к официальным статистическим данным ряда государств позволяет отметить существенное снижение доли русскоязычных граждан в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии не только в 90-е гг. XX в., но и на рубеже XX–XXI вв. [17].

Если говорить об оставшихся крупных русскоязычных сообществах, на которые можно было бы ориентироваться в контексте репатриации и которые в национальных статистических документах отмечены как «русские», то таких в Казахстане 3 млн чел., в Узбекистане – 0,6 млн чел., в Киргизии – 0,28 млн чел. [18; 19; 20].

Имеющиеся данные позволяют сделать предположение о фактическом выезде большинства русскоязычного населения с территории вышеназванных государств, за исключением экономически благополучного Казахстана, и в целом можно считать потенциал переселения по программе соотечественников именно русскоязычных на постсоветском пространстве достаточно ограниченным.

Анализ количественных показателей миграции населения на постсоветском пространстве позволяет говорить о сформированном «евроазиатском миграционном коридоре» [21], который характеризуется крупными потоками миграции из постсоветских государств среднеазиатского региона в Российскую Федерацию. Специфика миграционной ситуации потребовала принятия нового документа стратегического планирования в миграционной сфере.

Трансформация управления миграционными процессами в Российской Федерации возлагается на новый документ стратегического планирования в миграционной сфере – Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг., утвержденную Указом Президента Российской Федерации № 738 от 15 октября 2025 г. Несмотря на то, что основной упор в упомянутой Концепции делается на аспект, связанный с обеспечением национальной безопасности и общественно-политической стабильности, в контексте замещающей ми-

грации документ говорит о недопустимости ориентира на внешние миграционные потоки как способа решения демографических проблем Российской Федерации².

Одновременно Концепция предлагает разграничить практики привлечения иностранной рабочей силы и предоставления российского гражданства. Это два параллельных трека, в связи с чем принципиально разграничиваются требования к иностранным работникам и к иностранцам, планирующим вступление в российское гражданство. В последнем случае речь идет об ужесточении проверки у иностранных граждан знания русского языка и русской истории по аналогии с ЕГЭ и пресечении противоправной деятельности образовательных и иных учреждений, задействованных в данном процессе. Вместе с тем необходимо понимать, что ввиду сложившейся в стране демографической ситуации обойтись без миграции не удастся, в связи с чем ее необходимо жестко регулировать на государственном уровне.

Концепция предполагает переход на цифровые инструменты управления миграцией: от подачи заявлений до биометрической идентификации, систем ИИ и автоматического межведомственного обмена данными. Это позволяет обеспечить приоритет управляемости и контроля над миграционными процессами. Свою целесообразность демонстрирует пилотный проект, запущенный в аэропортах г. Москвы по сбору биометрических данных у иностранцев. Такой опыт должен быть распространен на все пункты пропуска в Российскую Федерацию. Повышение эффективности правоохранительной функции, проведение специализированных контрольно-надзорных и специальных мероприятий по противодействию нелегальной миграции, введение реестра контролируемых лиц иностранных граждан позволили снизить общую численность иностранных граждан в Российской Федерации в первую очередь за счет добровольного выезда части лиц, включенных в указанный реестр, членов семей и детей иностранных граждан, не обучающихся и не осуществляющих трудовую деятельность в Российской Федерации.

Селективность и целеполагание становятся ключевыми нарративами российской миграционной политики, где формируются особые условия для соотечественников, отдельных категорий иностранцев, разделяющих российские традиционные духовно-нравственные ценности, а также для высококвалифицированных специалистов и инвесторов, что наряду с экспериментом по целевому организованному набору позволяет говорить о запущенном процессе дифференцированного подхода в миграционной сфере.

Принимая во внимание уже имеющееся существенное количество въезжающих на территорию Российской Федерации иностранных граждан, а также уже находящихся на территории Российской Федерации так называемых «лиц с иммиграционным прошлым», являющихся выходцами из государств с иной культурой, традициями и менталитетом, отдельное место в концепции уделено вопросам социокультурной адаптации и интеграции мигрантов. Потенциальное влияние крупных этнокультурных групп на межнациональные отношения и политическую стабильность актуализирует вопрос о переформатировании государственной политики в области социокультурной адаптации и интеграции мигрантов от отдельных сти-

² О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.07.2026).

хийных практик и проектов к конкретным предложениям, объективному мониторингу и прямой ответственности региональной власти при координации Федерального агентства по делам национальностей.

Миграционные риски как угроза государству рассматриваются в контексте снижения участия институтов государства в реализации контрольно-надзорной функции в области миграции, а именно неспособности государства эффективно регулировать въезд и пребывание иностранцев на своей территории, что ставит под сомнение один из ключевых атрибутов суверенитета – контроль над границами.

Для выработки эффективной политики в сфере национальной безопасности необходимо декомпозировать общую категорию «миграционной угрозы» на конкретные, эмпирически фиксируемые риски. Эти риски можно классифицировать по сферам общественной жизни, каждая из которых напрямую влияет на политическую стабильность.

При этом, с методологической точки зрения, под миграционным риском следует понимать вероятность наступления событий, связанных с перемещением населения и влекущих за собой негативные последствия для принимающего сообщества, самих мигрантов или стран исхода. В рамках системного подхода проблемное поле рисков структурируется на основе их источников и сфер проявления, что позволяет перейти от фрагментарного восприятия угроз к целостной модели анализа.

В связи с этим показательным представляется рассмотрение миграционных рисков через призму национальной безопасности, что закреплено в новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы³. Анализ документа позволяет выделить две группы факторов риска, связанных с безопасностью и необходимостью обеспечения социально-политической стабильности как российской политической системы, так и общества, поименованных не только в упомянутом документе, но и в иных документах стратегического планирования – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁴ и Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации⁵, где особое внимание уделяется проблеме проникновения иностранных экстремистов на фоне увеличения миграционных потоков.

Политико-правовые риски национальной безопасности:

1. Нелегальная миграция.

Массовое пересечение границы вне правового поля лишает государство возможности проводить фильтрацию (выявление лиц с криминальным прошлым, связями с террористическими организациями, носителей опасных заболеваний). Правовой нигилизм, возникающий в среде нелегальных мигрантов, создает пита-

³ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.03.2026).

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁵ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.03.2026).

тельную среду для теневой экономики и коррупции среди должностных лиц, отвечающих за контроль.

2. Параллельные сообщества.

В странах со слабыми государственными институтами или высокой степенью автономии регионов компактное проживание мигрантов может привести к возникновению территорий, где фактически не действуют национальные законы, а социальные отношения регулируются традиционными (адат) или религиозными (шариат) нормами, принесенными с родины. Это прямой вызов государственной монополии на легитимное насилие и судебную власть.

3. Политизация миграционных процессов.

Массовая миграция часто становится катализатором для радикализации политического спектра принимающего общества. С одной стороны, на волне ксенофобии усиливаются ультраправые и националистические партии, подрывающие центристский политический консенсус. С другой стороны, среди маргинализированной части мигрантов, сталкивающихся с дискриминацией, возникает почва для радикального исламизма или этнического национализма, что создает прямую террористическую угрозу.

4. «Экспорт» терроризма.

Миграционные потоки из зон военных действий (Сирия, Афганистан, регионы Африки) несут в себе риск проникновения боевиков и членов террористических ячеек.

Социально-экономические риски:

1. Давление на национальный рынок труда.

Приток низкоквалифицированной рабочей силы может обрушить заработные платы в отдельных секторах экономики (строительство, ЖКХ, сельское хозяйство), вызывая недовольство местных работников.

2. Рост нагрузки на социальную инфраструктуру.

Гуманитарная миграция способствует росту нагрузки на социальные учреждения: больницы, школы, детские сады. Дефицит бюджетных средств и очереди на получение услуг формируют образ «мигранта-иждивенца», даже если статистически мигранты платят налогов не меньше, чем получают благ.

3. Санитарно-эпидемиологический риск.

Неконтролируемый поток мигрантов из стран с низким уровнем здравоохранения создает угрозу завоза опасных инфекционных заболеваний (туберкулез, полиомиелит, корь, в период пандемий – новые штаммы вирусов), с которыми национальная система здравоохранения может не справиться из-за отсутствия коллективного иммунитета или необходимых протоколов лечения.

Социокультурные риски и риски идентичности

1. Культурный шок.

Массовый приток носителей иной культуры, языка и поведенческих паттернов неизбежно порождает феномен «культурного шока» у принимающего населения. Если этот шок не компенсируется успешными примерами интеграции и диалога, он трансформируется в неприятие и враждебность, а любое действие мигранта, связанное со спецификой его культурного или религиозного сознания, воспринимается в принимающем обществе в негативной коннотации и может привести к развитию

на данной почве межнациональных и межрелигиозных конфликтов, являющихся высшей формой проявления социокультурных противоречий.

Таким образом, для адекватного понимания угроз политической стабильности необходим синтез различных подходов. Ключевым фактором риска является не сам масштаб миграции, а степень управляемости этого процесса в сочетании с кризисом идентичности принимающего общества и неспособностью институтов адаптировать социальную и экономическую систему к новым реалиям. Теоретическое осмысление миграционных рисков показывает, что миграция сама по себе не является линейной угрозой национальной безопасности. Она становится таковой на стыке объективных процессов и субъективных интерпретаций.

Заключение

Российская Федерация, обладая значительной территорией и будучи одним из центров притяжения на постсоветском пространстве, ежегодно сталкивается с масштабными миграционными потоками. Данная ситуация, с одной стороны, способствует восполнению дефицита трудовых ресурсов, но с другой – генерирует комплекс угроз и вызовов, требующих системного осмысления. В связи с этим актуализируется необходимость структурирования проблемного поля миграционных рисков, то есть выявления, классификации и ранжирования факторов, способных дестабилизировать социально-экономическую, политическую и культурную сферы жизнедеятельности государства и общества.

Трансформация управления миграционными процессами обусловлена тем, что в настоящее время Россия оказывается перед сложным концептуальным выбором. Тотальный отказ от миграции с учетом низкого коэффициента рождаемости и фатально стареющего населения приводит к образованию реального дефицита на рынке труда, что негативно сказывается на возможностях промышленного роста, а значит, обеспечения полноценного суверенитета, с другой стороны, безудержная погоня за количественными показателями внешней миграции, использование внешней миграции как способа решения демографических проблем не только превращает общество в мультикультурный конгломерат без единого культурного кода, но и не решает проблемы повышения качества внешних миграционных потоков, не решает ключевой задачи востребованной миграции, направленной на приращение человеческого капитала, а не рост количества социальных иждивенцев.

Таким образом, в качестве стратегических ориентиров противодействия «замещающей миграции» целесообразно определить систему взаимосвязанных приоритетов государственной политики. Первостепенное значение приобретает сохранение национальной и цивилизационной идентичности России, поддержание исторически сложившегося этнокультурного, этноконфессионального и языкового баланса. С этим направлением неразрывно сопряжена задача обеспечения национальной безопасности и общественного порядка, предусматривающая решительное противодействие незаконной миграции и этнической преступности. В социально-экономической плоскости ключевым императивом выступает защита отечественного рынка труда, а также гарантированное соблюдение социально-экономических прав и законных интересов российских семей, что требует создания условий, обеспечивающих занятость их членов и стабильно высокий уровень доходов. Реализация перечисленных приоритетов невозможна без формирования действен-

ных механизмов государственного контроля, планирования и управления внешними миграционными потоками. Наконец, стратегическим ориентиром должно стать создание благоприятных условий для массовой репатриации соотечественников, а также для переезда высококвалифицированных иностранных специалистов, инвесторов и членов их семей, демонстрирующих лояльность российскому государству и готовность к полноценной языковой и культурной интеграции в принимающее сообщество.

Ссылки

1. Massey D. S. Building a Comprehensive Model of International Migration // *Eastern Journal of European Studies*. 2013. Vol. 3, No. 2. P. 9-35.
2. Sassen S. *The Mobility of Labor and Capital*. New York: Cambridge University Press, 1988. 240 p. DOI 10.1017/CBO9780511598296
3. Бьюкенен П. Дж. *Смерть Запада*. М.: АСТ, 2003. 444 с.
4. Бьюкенен П. Дж. *На краю гибели*. М.: АСТ, 2003. 352 с.
5. Бурда М. А., Михайлова Н. В., Гришин О. Е. Инициативы президента Д. Трампа в контексте формирования и реализации иммиграционной политики США // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2020. № 6. С. 45. EDN RPVWFK
6. Replacement Migration: Is A Solution to Declining and Ageing Populations? // *Цифровая библиотека Объединенных Наций*. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/412547?v=pdf> (дата обращения: 10.01.2026).
7. Мutowкина А. Д. Миграционная политика современного государства: экономико-демографический подход // *Мировая политика*. 2025. № 3. С. 72-83. DOI 10.25136/2409-8671.2025.3.75640
8. Funding and donors // IOM. URL: <https://www.iom.int/funding-and-donors> (дата обращения: 10.01.2026).
9. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development // Department of Economic and Social Affairs of United Nations. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 10.01.2026).
10. The 17 Goals of Department of Economic and Social Affairs // Department of Economic and Social Affairs of United Nations. URL: <https://sdgs.un.org/goals> (дата обращения: 10.01.2026).
11. Андрейцо С. Ю., Болотина Е. В. Направления совершенствования миграционной политики в субъекте Российской Федерации // *Закон. Право. Государство*. 2024. № 3. С. 25-28. EDN ITZQIV
12. Diaspora // IOM. URL: <https://www.iom.int/diaspora> (дата обращения: 10.01.2026).
13. Патласов О. Ю. Новые тренды миграционных процессов в контурах полицентрического мирового порядка // *Прогрессивная экономика*. 2024. № 4. С. 260-273. DOI 10.54861/27131211_2024_4_260
14. Красинец Е. С. Трудовая миграция в Россию: тренды развития и последствия для рынка труда // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2023. № 12. С. 189-198. DOI 10.26726/1812-7096-2023-12-189-198

15. ЕМИСС раздел 3.18. Информация о численности и составе иностранной рабочей силы (численность иностранной рабочей силы патенты // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58169> (дата обращения: 15.06.2026).

16. Бажан Т. А. Содействие возвращению соотечественников (о реабилитации этнокультурного принципа) // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2022. Т. 19, № 5. С. 126-146. DOI 10.21686/2413-2829-2022-5-126-146

17. Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. № 2. С. 6-30. DOI 10.17323/demreview.v7i2.11137

18. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/e62/b1e0sokkht34a1iyu2qdmu30dayt6sz1/Краткие%20итоги%20Переписи%20населения.pdf> (дата обращения: 10.01.2026).

19. Население Узбекистана превысило 39 млн человек - предварительные итоги переписи // Gazeta.uz. 30.06.2026. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2026/06/30/population-uzbekistan/> (дата обращения: 02.07.2026).

20. Статистический ежегодник Кыргызской Республики // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.kg/en/publications/statisticheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/> (дата обращения: 10.01.2026).

21. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Воробьева О. Д. Евразийский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3-4. С. 5-18. DOI 10.26653/2076-4650-2020-4-01